

ЛОМО

У истоков каждого дела всегда стоят первопроходцы, берущие на себя удар неизбежных первоначальных трудностей. Их имена и названия остаются в истории, а благодарные потомки подчас даже не забывают окружить их ореолом заслуженной славы.

Первопроходцы

Андрей ШЕКЛЕИН

Для советской фотографической промышленности таким первопроходцем, без сомнения, остается завод на Чугунной, 20, в Санкт-Петербурге. Его многочисленные аббревиатуры – РАООМП (Российское акционерное общество оптического и механического производств, 1914 г.), ГОЗ (Государственный оптический завод, 1919 г.), ТОМП (Трест оптико-механической промышленности, 1925 г.), ВООМП (Всесоюзное объединение оптико-механической промышленности, 1930 г.), ГОМЗ (Государственный оптико-механический завод, 1930 г.), ЛО-ОМП (Ленинградское объединение оптико-механической промышленности, 1962 г.), ЛОМО (Ленинградское оптико-механическое объедине-

ние, 1964 г.), АО «ЛОМО» (Акционерное общество «ЛОМО», 1993 г.) – сами по себе являются вехами нашего оптического роста и становления отечественного фотоаппаратостроения. В 2004 г. завод отметил свой 90-летний юбилей. Девять десятилетий – еще не век, но возраст весьма солидный. Тем более что с самого момента рождения заводу была уготована судьба не только первенца, но и лидера новой отрасли промышленности, относившейся в те дни к высшим (для тех дней) промышленным технологиям. «Хай-теку», как говорят теперь.

Как принято в историографии, обратимся к первоисточникам, т.е. к первым упоминаниям в летописях о факте рождения героя нашего повествования. Здесь и далее информационная база

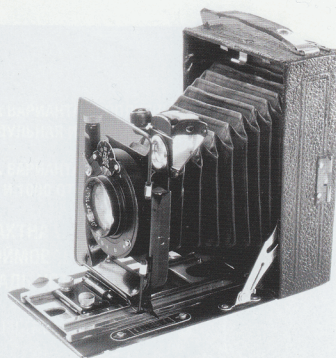
Сборка камер Фотокор-1, около 1931–1932 гг.

является самый надёжный, фирменный источник — газета «Панорама ЛОМО». Пользуемся приятной возможностью поблагодарить наших коллег за внимание и пожелаем успехов на будущее, которое, как мы надеемся, выйдет далеко за пределы 100-летнего юбилея.

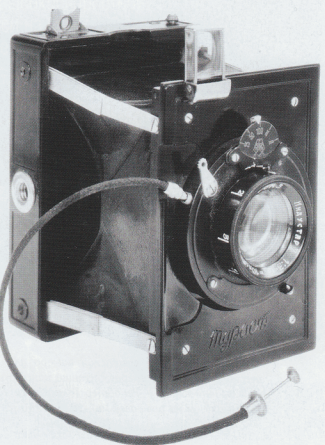
Рождение завода не было случайностью: точная механика и оптика во весь рост заявили о себе на рубеже XIX и XX вв. Царская Россия не имела в этой нише ни своих кадров, ни своей индустриальной базы, целиком полагаясь на импорт с Запада, и в первую очередь из Германии, где уже более полувека существовали марка Carl Zeiss и множество других фирм с не менее известными именами. Первый шаг, и это вполне логично, был связан с подготовкой национальных русских специалистов. В марте 1900 г. «Его Императорское Величество Николай II повелев учредить в составе ремесленного училища цесаревича Николая особое механико-оптическое и часовое отделение». Так появился будущий ИИТМО — Ленинградский институт точной механики и оптики, ныне Технический университет ИТМО, 100-летие которого как первого в России специализированного учебного заведения по оптике отмечают пять лет назад, на рубеже веков. Следующим шагом стала организация оптического производства. В 1913 г. по инициативе Русско-Азиатского Банка начались работы по созданию предприятия со стопроцентным частным капиталом. Как было сказано в Уставе, «целью общества является постройка в Санкт-Петербурге и в других местностях империи оптических и механических заводов и мастерских». После неизбежной при любой бюрократии переписки по инстанциям в сентябре 1913 г. появился доклад в Правительствующий Сенат: «Государь Император, по положению Совета Министров, высочайше повелев позволить разрешить генерал-майору в отставке А.П.Меллеру и др. учредить акционерное общество под наименованием «Русского Акционерного Общества Оптического и Механического Производства» на основании Устава, удостоенного Высочайшего рассмотрения и учреждения в Ливадии в 23 день августа 1913 года. О таком высочайшем повелении имею

честь довести Правительствующему Сенату с представлением подлинного Устава для опубликования. За Министра Торговли и Промышленности Товарищ Министра П. Берк».

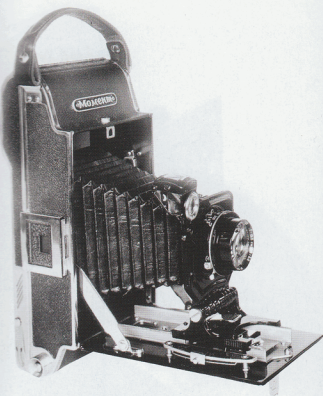
Столь высокий уровень принятия решения определялся не только общим ростом отечественного промышленного производства, но и особой ролью оптики для вооружения армии в условиях резкого ухудшения отношений с Германией накануне Первой мировой войны. Уже в 1914 г. были разработаны первые стереотрубы, панорамические прицелы, прицелы для полевых пушек, детонаторные трубки для снарядов и многое другое. Как и обычно, новая отрасль рождалась по требованиям бога войны и вскармливалась частным капиталом. Справедливости ради заметим, что эти военные приборы не были в России самыми первыми. В 1905 г., после позорного разгрома русского флота в недавней Русско-японской войне, на Обуховском заводе была создана оптическая мастерская, где и были изготовлены первые оптические прицелы и оружейные панорамы. Вдохновителями инициативы и консультантами завода стали выдающийся кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов и блестящий оптик, профессор Санкт-Петербургского университета Александр Львович Гершун. Начальником завода стал А.П.Меллер, будущий учредитель акционерного общества, а кадры рабочих в новой мастерской обеспечил первый выпуск уже упомянутого цесаревичева ремесленного училища, целиком направленный на завод. Однако своих специалистов-оптиков и мастеров ещё не было, и на этих должностях работали иностранцы. Выпуск многих приборов был серийным, и они успешно конкурировали с иностранными аналогами, обходясь казне значительно дешевле. Увы, потребности значительно превышали возможности небольшого производства, и затраты на импорт оставались огромными — более 4,5 млн. руб. в год. Ещё тех, царских золотых рублей, когда хороший дом в провинциальном городе стоил сотню, а на тысячу измерялась цена большого поместья. Замечу, кстати, что ту же сотню и даже больше стоил импортный объектив для форматной камеры вроде до сих пор зна-

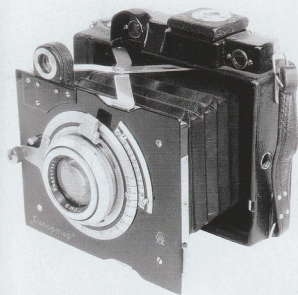
Первенец — пластиночный (9х12 см) Фотокор, 1930–1939 гг.

Клapp-камера с бакелитовым корпусом Турист (6,5х9 см), 1934–1938 гг.

Наш ответ Полароиду – моментальная камера Момент (8х10,5 см), 1952–1954 гг. К сожалению, выпуск комплектов для неё так и не удалось наладить.

По-видимому, первая советская камера для профессиональных репортёров, дуплекс-конструктора А.К.Ионисниной – Репортёр (пластинки 6,5х9 см или 6х9 см на роль-фильме), 1937–1940 гг.

Юстировка объектива камеры Фотокор, около 1931–1932 гг.

менитых Тессара или Планара. К 1914 г. мастерская переросла возможности Обуховского завода, и после создания завода на Чугунной улице практически весь персонал и оборудование были переданы на Выборгскую сторону новому акционерному обществу. Детство фирмы оказалось военным. Хотя юридически дата её рождения – 4 февраля, развёртывание производства продолжалось до августа, когда грянула мировая война. Всё, что выпускал завод, закупалось Главным артиллерийским управлением и Главным управлением кораблестроения военного ведомства. А им в этот момент больше, чем оптикой, требовались детонационные трубки для снарядов, которые обеспечивали заводу большую часть получаемой прибыли, позволяя производству расти быстрыми темпами. Этот «товар» оказался своего рода троянским конём, набирая силу в ущерб оптическому производству. И когда в 1916 г. была назначена первая эмиссия акций молодой петербургской фирмы, члены правления были вынуждены отметить, что «оборудования оптической части совершенно недостаточно для какого бы то ни было заводского производства. Наш оптический отдел следует рассматривать скорее как мастерскую, а не как завод». Неудивительно, что среди возможной и желательной продукции слово «фотоаппарат» в то время даже не упоминалось, тем более что в России никто не производил оптического стекла – оно всё было импортным. Не обошла завод и поднимавшаяся волна классовой борьбы. Заводской комитет рабочих безуспешно боролся за улучшение условий труда и повышение заработной платы, не пренебрегая и забастовками. В 1917 г. страну захватила революция. Рабочие фирмы принимали активное участие и в февральских, и в октябрьских событиях в Петрограде. К осени производство практически замерло. Приближался новый, советский период в истории страны и её первого оптического завода.

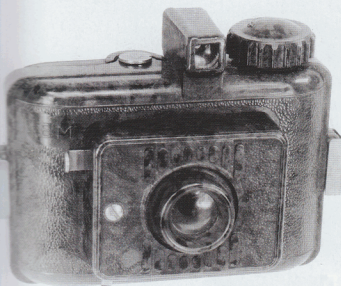
Но прежде чем перейти к советскому периоду, не могу не поделиться с читателем одним странным наблюдением о природе отечественного (что царского, что демократического) капитализма. Моление наших дней об иностранных

инвестициях, и не только частных, но половиною закордонных, было животрепещущим и 90 лет назад. Первый российский оптико-механический завод на Чугунной улице (в документах он тогда и фигурировал как «Завод») не был российским даже наполовину. Из 12 тыс. выпущенных акций (по 100 руб.) 8297 шт. (69%) принадлежала французской фирме Швайгер и Ко, а Русско-Азиатскому банку (спонсору идеи создания АО) – всего 1150 шт. Среди других заметных акционеров упоминал Санкт-Петербургский частный коммерческий банк (1450 шт.), известного заводчика г-на Путилова (на заводе которого большевики оттачивали клинок классовой борьбы; 250 шт.), оптического отца фирмы А.Л.Гершуна (500 шт.), а главному учредителю А.П.Мелмеру принадлежало всего 50 акций.

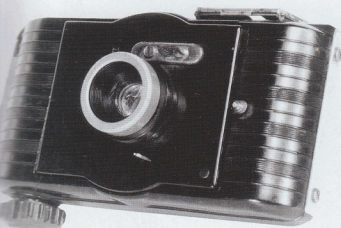
Из военного младенчества завод попал в совсем не гостеприимные условия голодного и холодного революционного отщепенца. Вот как писали об этом в заводской газете: «Шёл 1918 год. Ледяной ветер гнал по Чугунной улице пыль, трепал газету на заборе. Крупные буквы заголовков «Хлеба нет!», «Красная столица на краю гибели от голода!». На оптическом заводе холодно, пустынно: из тысячи рабочих осталось чуть больше двухсот, остальных разметало ахилетом. О финансовом положении завода красноречиво свидетельствует записка его администрации в Комиссариат продовольствия: «Просим отпустить 15 пачек спичек, так как имеется 40 печей и 1 кочеварка; просим отпустить на февраль, ибо наш завод ещё ни разу из Комиссариата не получал». В цеховых пролётах сиротливо стояли незавершённые приборы – стереотрубы, прищелки, перископы. Рабочие изготавливали лопаты, вёдра, грабли, зажимали из винтовочных гильз, пакли для размешивания каши и даже щипцы для завивки волос. Продукцию менили на хлеб в ближайших деревнях, делили его сообща, по справедливости. Казалось бы, какие уж тут новые приборы? Но именно в это время рабочие пишут письмо наркому просвещения А.В.Луначарскому с просьбой «оказать помощь в получении заказов на аппараты и инструменты, необходимые для просвещения народа и хозяйственного развития

Лилипут – простейшая миниатюрная бакелитовая камера с форматом кадра 24x24 мм на 35-мм плёнке с бумажным ракордом; 1937–1940 гг.

Развитие Лилипута – Малютка (1939–1940 гг.).

Самая первая Смена (1939–1941 гг.) – простая бакелитовая складная камера с форматом кадра 24x36 мм на 35-мм плёнке с ракордом.

страны». И такой заказ был получен – предстояло изготовить первый советский кинопроектор. Все трудились с энтузиазмом, прекрасно понимая, какую важную роль играет кино в «стране всеобщей неграмотности». Выпуск первого проектора с гордым названием «Русь» приурочили к 1-й годовщине революции. 7 ноября 1918 г. рабочие собрались на заводе для участия в общей демонстрации. В этот день предложено было бесплатно отпустить каждому по два стакана кофе с сахаром и молоком, и если удастся, то и с хлебом. Киносанс состоялся на заводском дворе, причём первый кинообъектив для первого кинопроектора был собран вручную всего за полчаса до его начала. Планировалось также производство очков и геодезических теодолитов, но весной 1919 г. генерал Юденич вплотную подошёл к городу, и все работы прекратились. Завод оставался.

Мы привели этот отрывок, чтобы читатель почувствовал грустную атмосферу той эпохи, которая продолжалась ещё несколько лет. Зимой «разрушения водопроводной и отопительной сети удалось избежать лишь потому, что было сожжено ВСЁ, что могло гореть». Чтобы найти ширь для очковых линз, на заводе на единственном транспорте (конь Голубчик с телегой) свозили стеклянный бой – трамвайные стёкла, остатки ресторанных фужеров. Из Красной армии отозвали умелых специалистов-станочников, включая и талантливого инженера А.Г. Титова, назначенного директором. В конце 1920 г. на с трудом восстановленных и просто самодельных станках выступили для армии недоступные по импорту стереотрубы, зенитные дальномёры и даже приборы для самолётной воздушной разведки. Не прекратилось и мирно-идеологическое направление – серийный выпуск нового кинопроектора «ОЗ» (Государственный оптический завод) с динамо-приводом для показа фильмов в неэлектрифицированной глубинке и улучшенной оптической системой, позволяющей крутить кино даже днём. В 1924 г. при заводе была создана собственная школа фабрично-заводского обучения для подготовки токарей, слесарей, оптиков, к производству были присоединены некоторые мелкие предприятия родственного профиля, открыт свой магазин на Невском проспекте (ведь завод работал на хозрасчёте и сталкивался со всеми трудностями наших дней, но не хирел, а набирал силу). В 1924 г. он уже мог рекламировать свою продукцию. В 1926 г. заводу был разрешён долгожданный импорт станков, в частности, из Германии от фирм Voigtlander и Deckel. А учёные Государственного оптического института впервые в России сварили оптическое стекло высшего качества, тайны которого все иностранные фирмы хранили за семью печатями. На повестку дня встал вопрос о строительстве современного оптического завода-гиганта и организации высокопроизводительной оптико-механической промышленности страны. Опыта такого строительства, да и нужного количества квалифицированных кадров, у страны не было, а за границей и здесь было своя экономический интерес. За проект такого завода Carl Zeiss и Leitz запросили 40 млн. руб. золотом – для тех времён почти невозможная сумма, причём следующие 15 лет мы должны были бы покупать оптическую продукцию только у этих фирм. Под лозунгом «Собойдёмся без нецели» пришлось взяться за дело своими силами. К середине 1929 г. основные черты будущего завода-сказки (огромные окна, широкие подземные пути, поточные линии, конвейерная сборка, индукционные печи, гальваника, станки, пресса и штампы последних моделей, даже кондиционированный воздух и гасящие вибрацию опоры) приобрели реальное проектное воплощение, и в августе были заложены два первых

Snoprm (1936–1941) – камера, оспаривающая лавры первой в мире 35-мм зеркалки с самой Экзотой.

корпуса – оптический и сборочный, через год вошедшие в строй. А на проекте своего часа уже ждал столь нужный для растущей армии пролетарских и крестьянских фотолюбителей первый в России цех фотоаппаратуры.

Защита проекта длилась на техническом совете Совнархоза более 10 часов, оппонентов было хоть отбавляй. Многие считали, что столь тонкие, микронные технологии нам все равно не освоить, что проходящая невдалеке железная дорога будет сотрясать станки и нарушит необходимую прецизионность аппаратуры, что, наконец, тратить деньги на строительство собственного завода совсем ни к чему, так как все необходимые изделия можно закупить в Германии. Аукнулось бы нашей стране эта позиция через 12 лет в новой войне и в расчёте на немешую оптику!

В этот момент произошла детективная история, после которой новому заводу ГОМЗ было присвоено имя ОГПУ – карательных органов революции, сменивших ЧК – Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Технический директор В.Ф. Кононенко был увезён с работы с диагнозом «острое отравление». Лечили лучшие врачи, у двери палаты стояла охрана, следователи ОГПУ постоянно беседовали с больным, раскручивая типичную схему тех лет: враги устраивают строителя крупного военного завода, многомиллионные заказы уходят за границу, прибыли иностранных компаний растут. Через месяц лечения потерявшему 60 кг веса директору следователь сообщил, что коллегия ОГПУ, внимательно ознакомившись с попыткой отравления крупного руководителя и понимая исключительную важность завода для обороны страны, приняла решение взять постоянное шефство над заводом. ГОМЗ имени ОГПУ просуществовал до 1962 г., после чего переименованному объединению было присвоено имя Ленина.

Строительство шло удальными темпами первой социалистической индустриализации и было непросто. Не хватало механизмов, денег, а главное – времени. Тачка с цементным раствором, волокуша с кирпичами, шаткие мостки под ногами заменяли краны, бульдозеры, скреперы, но энтузиазм тех дней смёл все преграды. Строили на совесть, на века, прочно: корпуса выдержали и бомбежки Великой Отечественной войны, и обстрелы, и лютые блокадные зимы. Так создавался

Комсомолец (1946–1950 гг.) — первая советская дубльобъективная зеркалка, разработанная конструктором И. Шапиро на основе камеры Voigtlander Brilliant V6 образца 1937 г.

главный завод ГОМПа — Треста оптико-механической промышленности, превратившийся в 1930 г. в ВООМП, объединивший все родственные производственные предприятия страны. А страна, в широком общем перечне оптических потребностей, была готова заняться и фототехникой.

Здесь, в согласии с тематикой нашего журнала, нужно было бы дать полный очерк фотокамер, выпущенных первенцем и лидером советского аппаратостроения за три четверти века его фотографической биографии. Увы, журнальный объем ограничен, и нам придется отсылать читателя к ранее опубликованным материалам, обещая, что всё ещё не опубликованное найдет место в будущих номерах в разделах истории отечественной техники. Здесь же вы увидите как бы сжатую панораму материального базиса сотен тысяч советских любителей за чуть не весь прошлый век.

В 1930 г. появился Фотокор — камера знаковая, основная продукция довоенного времени и своего рода осколок, на котором оттачивались отечественные технологии. Эпопее его рождения был посвящен материал в нашем юбилейном номере (ФМ № 10'03). Пластиночная камера 9x12 см соответствовала общему среднему уровню фототехники тех лет и выпускалась с очень небольшими изменениями вплоть до Отечественной войны, удовлетворяя своим тиражом (1 300 000 шт.) основные потребности как любителей, так и периферийных профессионалов, ибо другая техника, в том числе и столь перспективные ФЭДы на 35-мм пленку, была доступна очень немногим. При всех своих технических ограничениях, Фотокор был камерой вполне работоспособной, причём работоспособной до наших дней. В это же время для бытовиков и фотостудий выпускалась камера павильонная, прототип хорошо известных ФК 13x18 и ФК 18x24, снабжавших наше бытовое обслуживание ещё долгие годы после войны. Однако очевидная перспективность рулонной пленки и её бурный успех за рубежом не оставили в стороне и ГОМЗ. В середине 1930-х гг. появились Малютка и Лилипут на квадратный кадр 24x24 мм, а в конце десятилетия — Смена с форматом кадра 24x36 мм. Эти простейшие камеры были рассчитаны на начинающих и не отражали ни тогдашний уровень

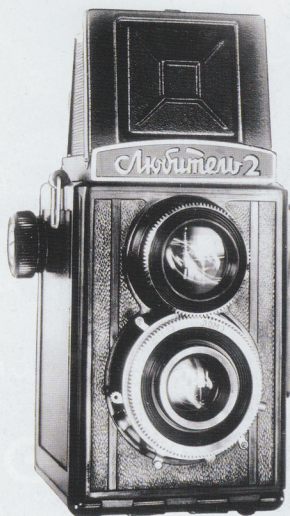
мировой техники, ни возможности самого завода. Его собственная разработка 1936 г. — Спорт (конструктор А.О.Гельгар) оспаривала первородство в группе малоформатных зеркалок у немецкой Экзакты, однако закордонная модель, получившая затем всемирную известность и славу, оказалась более эргономичной и успешной в серийном производстве.

Ещё одной серьёзной довоенной разработкой был Репортер (1937 г.) — среднеформатная камера 6,5x9 см со сменной оптикой и дальнометром, единственный высококлассный серийный аппарат, весьма совершенный для своего времени. Он имел байонетное крепление объективов, шторный затвор от 1/1000 до 1/5 с и давал возможность снимать как на пластинки, так и на рулонную или плоскую плёнку.

В военные годы заводу, который продолжал работать на оборону Ленинграда в тяжёлых блокадных условиях, было, конечно, не до фотоаппаратуры. А после войны он освоил самую массовую надёжную аппаратуру для любителей, на которой выросли, без преувеличения, сотни тысяч (если не миллионы) ребят, сохранивших увлечённость фотографией на всю жизнь. Кто не помнит широкоплёночную дубльобъективную зеркалку Любитель, которая в постоянно улучшающихся модификациях просуществовала более полувека? Его ближайшим предшественником был внешне очень похожий Комсомолец (1946 г.), но он был, так сказать, неполноценной зеркалкой — фокусировка производилась по шкале съёмочного объектива, верхний же предназначался только для визирования. Первый вариант Любителя приобрёл наводку на резкость по матовому кружку в центре большой квадратной линзы видоискателя и хороший по резкости новый объектив — триплет со светосилой 1/4,5 в центральном затворе с выдержкой 1/250–1/10 с. За 10 лет было выпущено 1,3 млн. камер, а в 1955 г. его заменил Любитель-2 с автоспускной и синхронизацией (выпущено 2,2 млн. шт.). Ещё три более универсальные модели Любителя выпускались в 1976–1984 гг., но точный объём их выпуска остался неизвестным. На базе Любителя в 1955 г. появилась стереоскопический Спутник, как бы сдвоенный Любитель с возможностью получения очень эффектных (особенно на цветной обрабатываемой плёнке) стереоскопических изображений. Несмотря на немалый за 18 лет выпуск (85 тыс. шт.), эта камера стала коллекционной редкостью и до сих пор пользуется у собирателей старины большим успехом.

Несмотря на популярность широкоплёночного Любителя, коронной серией продукции ГОМЗа для советских фотографов была, конечно, малоформатная Смена, которая в девяти модификациях выпускалась с 1954 г. и по количеству (около 30 млн. камер) превосходила любую другую отечественную модель. На Сменах росла наша смена, и при очевидной доступности по цене она имела, на мой взгляд, очень существенное достоинство — отсутствие экспозиционной автоматики, что заставляло начинающих гениев сознательно относиться к основным понятиям фотосъёмки вроде выдержки и диафрагмы и таким естественным образом совершенствовать и освоение техники, и свой творческий рост.

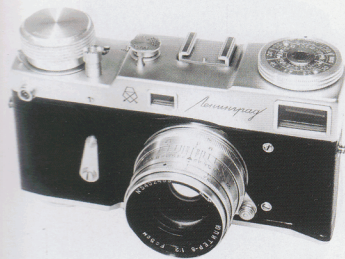
Однако было бы неправильным считать, что завод ограничивался лишь крупносерийным выпуском простых массовых изделий, лишь слегка модифицируя их от модели к модели. В тиши заводских конструкторских бюро создавались вполне оригинальные и весьма интересные разработки, которые, увы, не всегда доходили до конвейера даже после предварительной рекламы в «Советском фото» — единственном нашем фотографическом журнале тех лет.

Любитель (1949–1956 гг.), а затем Любитель-2 (1955–1980 гг.) поглотили радость фотосъёмки более чем 3 млн. фотолюбителей, как начинающих, так и опытных.

Воског (1964–1968 гг.) — первая советская камера со стрелкой встроенного экспонометра в видоискателе.

Гран-при всемирной выставки в Брюсселе (1958 г.), едва ли не самая могучая дальномерка советского Союза — Ленинград (1956–1968 гг.).

Сокol-автомат (1966–1978 гг., на фото — модификация 1969 г.) — дальномерка с экспозиционной автоматикой.

После войны завод освоил самую массовую надёжную аппаратуру для любителей, на которой выросли, без преувеличения, сотни тысяч (если не миллионы) ребят, сохранивших увлечённость фотографией на всю жизнь.

Участь других была более удачна. До войны, к примеру, ГОМЗ наряду с Фотокором выпускал пластиную «лап-камеру» Турист 6х9 см, лёгкую и очень портативную для своего времени. В начале 1950-х гг. появился Момент для комплектов немедленного получения изображения по процессу Поляроида, и коммерческая неудача этой крайне интересной в те дни камеры была связана не с ней, а с недостатками самих комплектов, выпускаемых химико-фотографической промышленностью. В 1956 г. появился почти профессиональный Ленинград — дальномерный малоформатный аппарат с пружинной протяжкой нескольких кадров плёнки за один взвод головки и со сменной оптикой, с резьбой диаметром 39 мм (аналогичной оптике для дальномерных Зорких). В то время этот аппарат не имел себе равных в мире и на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. был удостоен Гран-при. До сих пор не наша литературного отражения история создания этого аппарата, который до своего серийного рождения был вполноценным Государственным оптическим институтом (ГОИ) в трёх предварительных и совершенно необыкновенных вариантах, каждый из которых представляет для истории техники несомненный интерес. Надеясь, что ГОИ вместе с Политехническим музеем, где хранятся эти реликвии, найдут возможным рассказать об этом историческом этапе технического творчества. Не избегаю заводчане и набирающей с середины 1960-х гг. силы автоматизации, начиная с автоматизации экспозиционной (1964 г.), продолжилась Соколом с пятипрограммной автоматикой центрального затвора и прекрасным объективом Индустр-70 50 мм f/2.8 (1966–1986 гг.), а также Электрон-112 — дальномеркой с приоритетом диафрагмы.

Прежде чем перейти к «последнему из могикан» завода — ЛОМО-Компакт Автомат, напомним о густо знаменитом Алмазе (рубеж 1970–1980-х гг.), единственной незавершённой попытке создать качественную объективную зеркалку профессионального уровня. Эта классная камера имела съёмную пентапризму и сменные визирные устройства (!), стандартизированный пентаксовый байонет К для сменных объективов, металлический амальгамный затвор от 1/1000 до 1 с, полуавтоматику или автоматику экспозиции (в зависимости от модели). Среди фотографической общности был гущен слух, что Алмаз — это национальная попытка воспроизвести одну из лучших зарубежных профессиональных камер вроде Nikon F или Canon с этой же буквой. Увы, скорее всего по технологическим причинам попытка оказалась неудачной, и на вид отличная камера никак не хотела работать надёжно и долго. Вкладывать новые деньги в разработку завода не захотел, и в 1989 г. все работы по «последней песне» ленинградских оптиков были прекращены.

Впрочем, это не совсем так. Остался прогрессивнейший на весь мир ЛОМО-Компакт, родоначальник нового течения любительской фотографии, получивший даже специальное имя — «ломография». Созданная в 1983 г. шкальная малоформатная камера с автоматической обработкой экспозиции не обещала вначале никаких сенсаций. Вполне любительская малогабаритная модель, не требующая футляра, излучающая внешний вид, с весьма короткофокусным светосильным объективом 32 мм f/2.8 и фокусировкой по метровой шкале или символам в видоискателе, неожиданно завоевала признание за рубежом усилиями двух австрийских энтузиастов, любивших снимать навскидку самые неожиданные жизненные сценки без долгого предварительного кадрирования и нудной возни с выдержками и диафрагмами. Такие «моменты жизни» стали сутью съёмки родившегося из ЛОМО-Компакта Международного Ломографического общества, не-

Новый сборочный цех гражданского приборостроения, открывшийся в 2004 г.

временного участника крупнейших фотографических выставок и ярмарок с тысячами размещаемых на этих выставках веселья, на мой взгляд, далёких от настоящего фотоискусства снимков того, что с ходу попадает в объектив.

В последние годы Ломографическое общество было единственным заказчиком фотографической продукции завода. В соответствии с заключённым договором, общество обладает исключительным правом на распространение ЛОМО-Компакта через свои «посольства». Одно из таких представительств находится в Санкт-Петербурге. ЛОМО (бывший ГОМЗ) очень гордится выросшим на его технике обществом, и в публикациях своей газеты отводит ломографии значительное место. Правда, осенью 2004 г. выпуск ЛОМО-Компакта был прекращён, однако имеющийся на складе фотокамер ломографов хватит ещё на какое-то время.

Впрочем, ЛОМО-Компакт — не только культовая для Запада, но и просто очень надёжная и хорошая камера. С узкого негатива она позволяет печатать фотографии 50х75 см, а передача самых тонких цветовых нюансов вроде восходов и закатов солнца остаётся безукоризненной. И недаром ещё в 2003 г. ЛОМО-Компакт оказался в первой пятёрке лидеров среди всех лучших компактных камер мира. А из Англии завод получил фильм, снятый корпорацией BBC под названием «ЛОМО-камера. Снимай от бедра» — неожиданный подарок Северной столице, вносящий свою лепту не только в светлый образ последней ломоковской камеры, но и в формирование имиджа города на Неве за рубежом.

Создание ЛОМО-Компакта было непременным. В 1980 г. с кёвельской Фотоники наша делегация привезла внешне очень симпатичную и удобную японскую камеру Cosipa CX-2. Решением министерства завода поручалось воспроизвести её в технически приемлемом для наших технологических вариантов и запустить в серийное производство в самые кратчайшие сроки. Сложность эта обернулась двумя годами интенсивной работы, так как в промышленных условиях «воспроизводство» сводится не столько к «идентичности» конструкции, сколько к сочетанию общей компоновки с приемлемыми для нашей технологии узлами. В частности, потребовались свой собственный затвор, оригинальный объектив и множество других нюансов, связанных с электроникой и автоматикой. Ведь за границей чужие решения не закупались, а вопросы снижения себестоимости с разработчиков никто не снимал. По случаю 20-летия создания камеры Г.М.Соломыкин — один из участников возмужавшей ведущим конструктором М.Г.Холомышиной творческой бригады — написал стихи, отражающие этот, как казалось бы со стороны, совсем несложный процесс.

К сожалению, рассказ о гомзовской фотоаппаратуре нам приходится закончить в грустной тональности. Всему приходит конец. Постигнет

Первая «настоящая» Смена (1952–1960 гг.), открывшая путь многим миллионам простейших и доступных камер, которые открывали радость фотографии множеству потребителей во многих странах мира.

Синхронизированная Смена-2 (1955–1961 гг.).

Гордость оптиков города на Неве – Большой асимметричный телескоп (БТА).

он, возможно, в близком будущем и ОМО-Компакт, а с ним уйдёт в прошлое последняя отечественная фотокамера, завершающая целую эпоху в производстве оптической продукции для самых массовых гражданских нужд. У завода останутся другие задачи, но бедному (в прямом и переносном смысле) российскому фотолителю не останется ничего другого, как покупать многочисленные, на любой вкус, законченную технику и вкладывать свои не слишком жирные сбережения в рабочие места и новые высокие технологии где-нибудь в Китае, на Тайване или в Малайзии. Печальная картина отрасли, не подготовившей себя к неизбежному скачку прогресса и сдавшейся без боя агрессивному нашествию «свободного» рынка. И через полвека наши внуки, скорее всего, смогут увидеть российскую фотокамеру только в музее, разглядывая этот экспонат так же, как мы разглядываем сейчас первые Кодэки или прообразы дальномерной Лейки.

Ясно, что для любого крупного оборонного завода, который и создавался в этом качестве, мирная фотопродукция не может быть единственной или даже основной. Это всегда доводило к более главным производствам. Таких производств и у ГОМЗ было и есть хоть отбавляй, но, к чести объединения, следует сказать, что ещё в нескольких не совсем или совсем не военных направлениях он всегда гордо держал марку и уровень передового предприятия. Самое именитое из них – астрономическое телескопостроение. Немногие представляют себе, насколько важна и трудна эта проблема. Нынешние телескопы – это не только открытие новых звёзд и галактик, это постоянное наблюдение за своими и чужими спутниками Земли, ракетами дальнего запуска и ближним космосом вообще. Сеть таких телескопов создаёт своего рода управление космическим движением, которое на околоземных орбитах стало теперь довольно интенсивным. Но галактики, поистине звёздным успехом программы ЛОМО был созданный 30 лет назад самый крупный в стране Большой азимутальный телескоп (БТА) с диаметром зеркала 6 м. Этот единственный оставшийся в России уникальный прибор мирового класса установлен на Северном Кавказе в горах Карачаево-Черкесии в потрясающих по красоте местах. Наш постоянный автор В.П.Романенко не только работает на этом телескопе, но и рассказывает об этой красоте и о фотографии, в том числе советской, технике, для таких съёмки применяемой. БТА – телескоп для дальнего космоса, на нём сделаны уникальные фотографии самых далёких галактик, которые когда-либо наблюдались с Земли в красном и инфракрасном диапазонах спектра. Фундаментальные наблюдения близких галактик, источников фантастической силы, чрезвычайно коротковолнового электромагнитного гамма-излучения, и другие научные результаты стали существенным вкладом в наши познания о Вселенной. И даже позволили сделать вывод, что конец света неизбежен («Нашу Вселенную ждёт непрерывное расширение и оствание до бесконечности. В результате она исчезнет, и когда-нибудь на её месте появится новая Вселенная»). Так что запасы-теперь драгоми: через десяток миллиардов лет они могут очень пригодиться...

Уникальный телескоп от момента обсуждения проекта до окончания монтажа создавался почти 15 лет целым рядом оптических машиностроительных и строительных организаций. Стальная заготовка для главного зеркала изготавливалась Литкаринским заводом оптического стекла, весила 75 т и охлаждалась, во избежание образования микротрещин и внутренних напряжений, 2 года и 15 дней. Для такой отливки на Литкаринском заводе пришлось выстро-

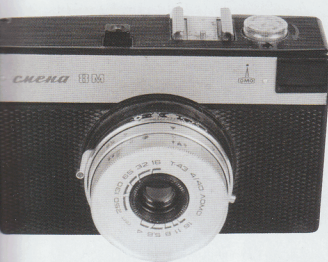
В сборочном цехе ЛОМО, 2004 г.

Ломографическое общество регулярно участвует в выставках РМА (на фото – Лас-Вегас, 2004 г.).

ить специальную печь, а для сборки телескопа на ЛОМО – отдельный монтажный корпус высотой более 50 м с мостовыми кранами грузоподъёмностью 150 и 30 т. Более двух лет (1966–1967 гг.) монтировались механические узлы телескопа. Длина его трубы составляет 24 м, и при испытаниях эта труба уравнивалась железобетонным имитатором зеркала, который стал героем отдельной смешной истории. В будущей обсерватории для телескопа была выстроена башня высотой 53 м с раздвижным куполом, позволяющим телескопу смотреть в небесные дали. Его доставка на место проходила, конечно, в разобранном виде, но перевозка, да ещё по горным дорогам, грандиозного главного зеркала требовала тщательнейшей подготовки. Почти месяц в мае 1974 г. по всему маршруту везли железобетонный имитатор зеркала с соблюдением чрезвычайных мер предосторожности и постоянным контролем за состоянием груза, тепловым режимом, перегрузками и влиянием погодных условий. Эта эпопея широко освещалась в прессе, причём журналисты, в конце концов, на удивление зарубежные, сенсационно заявили, что в Советском Союзе создан первый в мире телескоп с бетонным зеркалом. А заводская гутенкопная, что из Ростова-на-Дону, до которого зеркало доставлялось по воде, на гору его везли лошадами. История эта превратилась в анекдот, о том, как журналисты везли большое зеркало. Настоящее зеркало без приключений и без лошадей было перевезено на место за два последних летних месяца того же года. 3 ноября БТА был введён в опытную эксплуатацию, а перед Новым годом принят Государственной комиссией с отличной оценкой.

Чтобы окончательно почувствовать, что же такое современный «глаз во Вселенную», добавим несколько подробностей о башне – так сказать, штативе для БТА. Это отбечаемое, тщательно термо-

Звезда Фототины-1980 Алмаз-102 (1979–1980 гг.) — советская попытка воплотить в одной суперкамере опыт лучших иностранных производителей (в первую очередь Минальты и Никона). Увы, конструкция оказалась не очень надежной и слишком сложной для массового производства (102 Алмазов было сделано всего около 60 шт.; самым массовым был Алмаз-103 — около 10 тыс. шт.).

Знаменитый ЛОМО-Компакт Автомат (1983–1993 гг.), он же LCA, ресинимированный на заводе после снятия с производства усилиями небезвестных «ломографов». Последняя (?) фотокамера, выпускаемая на ЛОМО.

Прогрессивный на весь мир ЛОМО-Компакт стал родоначальником нового течения любительской фотографии, получившего даже специальное имя — «ломография». Созданная в 1983 г. камера неожиданно завоевала признание за рубежом усилиями двух австрийских энтузиастов, любивших снимать навскидку самые неожиданные жизненные сценки. Такие «моменты жизни» и стали сутью съёмки рождавшегося из ЛОМО-Компакта Международного Ломографического общества.

Самую впечатляющую по масштабам экспозицию «ломографы» организовали на Фототине-1996 при поддержке Агфы. Torga в комплект ЛОМО-Компакта (стоимостью около 100 \$; к настоящему времени цена «так» выросла примерно вдвое) входила мини-отвёртка, чтобы отламывать при необходимости сломавшуюся крышку объектива — именно так советовала инструкция.

Крупным направлением работы и серийного выпуска остаются на ЛОМО микроскопы различного назначения — от универсальных лабораторных и исследовательских до специализированных промышленных, люминесцентных, металлографических или работающих в экспедиционных условиях. Обновляемая сейчас линейка продукции выводит эти изделия на мировой уровень, они включают множество реализованных в лучших зарубежных образцах усовершенствований, а рассчитанные в КБ завода новые крупносерийные микробъективы по некоторым технологическим параметрам являются лучшими в мире. Медицинские микроскопы занимают среди продукции завода ведущее место, но сотрудничество с медициной для ЛОМО на этом не заканчивается. Он выпускал, выпускает и совершенствует эндоскопы (приборы для разглядывания внутренних органов вроде желудка и кишечника). Так, к примеру, если вам придётся проглотить жгут нового видеогастроскопа, созданное им изображение будет формироваться в цифровом виде, что значительно облегчает врачу диагностику наших болезней.

За годы своей истории ГОМЗ-ЛОМО решил и многие другие проблемы, нередко — впервые в стране. Первая оптическая фирма России изготовила первый в нашей стране кинопроекторный аппарат, первый телескоп, первую массовую любительскую фотокамеру, первый промышленный лазер, первый гибкий герметичный медицинский эндоскоп, немало первых изделий современной для своих дней военной техники. А 45 лет назад, именно в объединении, на заводе Кинап, был изготовлен первый отечественный видеомагнитофон. Даже это название, в отличие от менее удачных зарубежных, было впервые придумано на заводе. В своё время именно ГОМЗ выпускал необходимые для науки спектральные оптические приборы — спектрофотометры для разных участков видимого и невидимого спектра, монохроматоры и многое другое. Это была основная приборная база научных исследований, и можно без преувеличения сказать, что на этой базе родились многочисленные успехи советских учёных в прикладных областях техники, включая такие знаковые, как ракетная и атомная.

Листая страницы упомянутой в начале статьи газеты «Панорама ЛОМО», беседа с начальни-

ком управления общественных связей Н. Константиновой, я как бы окунался в гущу заводской жизни бывшего ГОМЗа, с которым меня связывают долготелые, плодотворные многосторонние связи. Фотокамерами ЛОМО я сделал немало снимков как любитель, на приборах ГОМЗа я работал долгие годы как физик-исследователь.

Сейчас же я почувствовал на ЛОМО присутствие множества интересных замыслов, отягощаемых, к сожалению, немалыми коммерческими трудностями так называемого «свободного» рынка, к которым бывшие социалистические гиганты так и не могут привыкнуть и приспособиться с большим трудом. Как старого фотографа и сотрудника фотографического журнала меня, конечно, больше всего огорчает умирание отечественного камеростроения, умирание отрасли, в нужность которой я никогда не поверю, а культурно-воспитательное значение которой испытал на себе.

Пусть мы не готовы пока к производству цифровых фотокамер, универсальность и блага которых столь беззастенчиво рекламируются на каждом углу и, на мой взгляд, значительно переоцениваются. Пусть мы способны пока ещё насытить наши фотолаборатории импортной техникой, оплаченной кровными нефтедолларами. Но из этого никак не следует, что российская промышленность должна поставить крест на фототехнике и с позором, как поджавшая хвост побитая собака, убраться с рынка современных объективов и камер. Я почти убежден, что в недалеком будущем насильственным всяким пластмассовым цифровым и нецифровым барахлом фотограф вновь вспомнит о старых, добрых, в меру механических, как и в меру электронных, фотокамерах высокого класса, хорошего оснащения и пусть немалой, но всё-таки доступной цене.

Поэтому в заключение хочу высказать наше искреннее пожелание заводу: не забывать свои первопроходческие фотографические деяния и, проводя конъюнктурные исследования, порождать нас в будущем чем-нибудь традиционным удобным и профессионально качественным вроде хорошей дальномерной камеры (интерес к которым за рубежом возродился вновь) или насадок для «ночных» съёмки, в создании которых завод имеет и опыт, и производственные возможности.